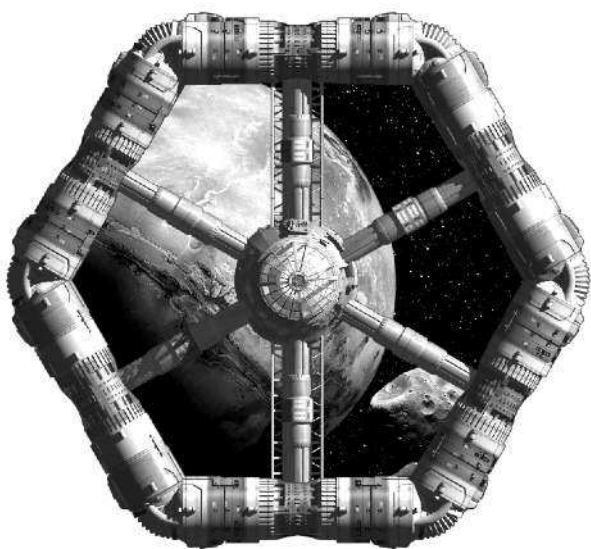

fan_zon

КРАСНЫЙ МАРС
ЗЕЛЕНый МАРС
ГОЛУБОЙ МАРС

КИМ СТЭНЛИ РОБИНСОН

КРАСНЫЙ МАРС

fanzon
МОСКВА 2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Kim Stanley Robinson

RED MARS

Copyright © 1993 by Kim Stanley Robinson

Разработка серии А. Саукова, Н. Плутахина.

Иллюстрации на обложке и супере Н. Плутахина

Робинсон, Ким Стэнли.

P58 Красный Марс / Ким Стэнли Робинсон ; [пер. с англ. А. И. Агеева]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 576 с. — (Sci-Fi Universe).

ISBN 978-5-699-89463-5

Марс был пуст, пока на нем не появились мы.

В 2026 году первые колонисты с Земли отправляются на Красную планету. Их миссия — создание благоприятных условий для жизни на Марсе, на поверхности которого первопроходцев уже ждут разнообразные устройства и механизмы, заброшенные сюда грузовыми кораблями. Будущие марсиане планируют растопить полярные шапки, поднять температуру атмосферы и заселить поверхность планеты бактериями... Но среди колонистов есть те, кто не согласен изменять первозданный облик Красной планеты, те, кто желает объявить Марс независимым от Земли государством, и они готовы сражаться за свои убеждения до последнего!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-89463-5

© Агеев А.И., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Лизе

Часть первая

**Праздничная
НОЧЬ**

Марс был пуст, пока на нем не появились мы. Но не то чтобы там никогда ничего не происходило. Планета нарастала, плавилась, бурлила и остывала, отчего ее поверхность испещрили огромные геологические образования — кратеры, каньоны, вулканы. Только все это происходило в ископаемой бессознательности и никем не наблюдалось. Тому не было свидетелей — не считая нас, наблюдающих с соседней планеты, и то лишь в последнее мгновение ее долгой истории. Мы — единственный сознательный взгляд, который когда-либо обращался к Марсу.

Теперь история Марса в человеческом понимании известна каждому: как во все доисторические поколения он был одним из главенствующих светил благодаря своей красноте и переменчивой яркости, как иногда останавливался в своем странствии среди звезд и менял направление движения на противоположное. Казалось, он пытался что-то этим сказать. Вероятно, поэтому все древнейшие названия Марса звучат так причудливо — Ниргал, Мангала, Окакух, Хармахис, — так, будто они еще старше тех архаичных языков, в которых мы их находим, будто это ископаемые слова из ледникового периода или предыдущих эпох. Да, Марс тысячи лет был священной силой для деяний людских, его цвет сделал эту силу опасной, олицетворяющей кровь, ярость, войну и мужественность.

Затем первые телескопы позволили нам взглянуть поближе, и мы увидели маленький оранжевый диск с белыми полюсами и темными пятнами, которые расширялись и уменьшались с течением долгих периодов. Ни одно из последующих усовершенствований этих телескопов не дало нам большего, но на лучших изображениях, сделанных с Земли, оказалось достаточно клякс, чтобы вдохновить Лоуэлла на известную всем нам историю об увядающем мире и героическом народе, в отчаянии сооружающем каналы, пытаясь сдержать последнее наступление пустыни.

Это была замечательная история. Но затем «Маринер» и «Викинг» прислали свои фотографии, и все изменилось. Наши знания о

Марсе на порядок возросли, мы узнали об этой планете буквально в миллионы раз больше, чем знали до этого. И тогда перед нами развернулся новый мир, — мир, о котором мы не подозревали.

И все же этот мир был безжизненным. Люди искали признаки того, что на Марсе была или есть жизнь, — хоть что-то от микробов до обреченных каналостроителей и даже инопланетных пришельцев. Как вы знаете, таких свидетельств до сих пор не обнаружено. Тогда, чтобы заполнить пробел, стали прямо-таки расцветать истории — равно как во времена Лоуэлла или Гомера, как в пещерах или в саваннах — истории о микроокаменелостях, разрушенных нашими биоорганизмами, или о руинах, найденных в пыльных бурях и затем безвозвратно потерянных, о Большом человеке и его приключениях, об ускользающих красных человечках, которых можно уловить лишь краем глаза. Все это было придумано в попытках наделить Марс жизнью, как-то оживить его. Ведь мы — все те же животные, которые, пережив ледниковый период и зачарованно глядя на ночное небо, рассказывали свои истории. И Марс никогда не переставал быть для нас тем, чем был с самого начала, — великим знаком, великим символом, великой силой.

И вот мы здесь. Он был силой, но теперь стал местом.

— **И** вот мы здесь. Только они себе не представляли, что к тому времени, как мы окажемся на Марсе, путешествие изменит нас и ничего из того, что они нам рассказывали, не будет иметь никакого значения. Это не было похоже ни на погружение на подводной лодке, ни на освоение Дикого Запада — это был *совершенно новый опыт*, и, когда «Арес» стартовал, Земля наконец стала такой далекой, что превратилась в обыкновенную голубую звезду, одну из многих, а ее голоса доходили с таким опозданием, что казалось, будто они доносятся из прошлого века. Теперь мы были сами по себе, а значит, мы стали *принципиально иными существами*.

«Вранье», — с раздражением подумал Фрэнк Чалмерс. Он сидел среди высокопоставленных лиц и смотрел, как его старый друг Джон Бун произносит свою привычную Вдохновляющую Речь. Она наводила на Чалмерса скуку. На самом деле полет на Марс по ощущениям был равносителен длительному путешествию на поезде. И они не только не стали принципиально иными существами, а наоборот, стали собой еще больше, чем когда-либо, освободившись от прежних порядков и оставшись лишь с исходным материалом самих себя. Но Джон стоял, размахивая указательным пальцем перед толпой, и изрекал:

— Мы прибыли сюда, чтобы сотворить нечто новое, и теперь все наши земные разногласия отпали как неприменимые к новому миру!

Да, все это он имел в виду буквально. Марс для него был линзой, искажавшей все, что он видел, — чем-то вроде религии. Этот же вздор он изливал и в частных разговорах — как бы выразительно его собеседник ни закатывал глаза.

Фрэнк перестал его слушать и перевел взгляд на новый город. Его собирались назвать Никосией. Это первый город, построенный на марсианской поверхности; все его строения находились под тем, что было, по сути, громадным прозрачным шатром, который держался на почти невидимом каркасе. Он располагался на куполе Фарсида, к западу от Лабиринта Ночи, и благодаря этому отсюда

открывался потрясающий вид: далекий горизонт на западе прерывался плоской вершиной горы Павлина. Ветеранам Марса в этой толпе такое зрелище кружило голову: они наконец оказались на поверхности, выбравшись из впадин и кратеров, и теперь могли бесконечно смотреть вперед! Ура!

Смех публики вернул внимание Фрэнка к давнему другу. Джон Бун говорил хрипловатым голосом с приятным среднезападным акцентом и поочередно (а иногда и одновременно) становился расслабленным, напряженным, искренним, самоироничным, скромным, уверенным, серьезным и смешным. Короче говоря, он был идеальным оратором. Публика внимала с восхищением: для них он был Первым Человеком на Марсе, и они смотрели на него, будто на Иисуса, готовящего им ужин из хлеба и рыбы. На самом деле Джон почти заслуживал их обожание за то, что сотворил схожее чудо в несколько другой области, превратив их дни, проводимые в консервной банке, в удивительное духовное странствие.

— Марс — величественное, экзотическое и опасное место, — возвестил Джон, говоря о замороженном шаре из окисленного камня, который подвергался излучению примерно пятнадцать бэр в год. — И мы приложим усилия и построим новый общественный строй, совершив следующий шаг в истории человека! — То есть последнего вида доминирующих приматов.

Этой напыщенной фразой Джон завершил свою речь, и, разумеется, за ней последовал гром аплодисментов. Затем на подиум поднялась Майя Тойтовна, чтобы объявить Фрэнка Чалмерса. Он посмотрел на нее, давая понять, что не хотел бы выслушивать ее шутки. Она это заметила и все же произнесла:

— Следующий выступающий был топливом в нашем ракетном корабле. — Кто-то издал смешок. — Именно его замыслу и энергии мы, в первую очередь, благодарны за то, что оказались на Марсе, так что забудьте о всяких претензиях, которые имеете к нашему следующему выступающему, моему давнему другу Фрэнку Чалмерсу.

Поднявшись на подиум, он поразился тому, насколько крупным оказался город, протянувшийся вдаль вытянутым треугольником. Первые марсиане собрались в наивысшей его точке — в парке на западной вершине. Семь дорожек расходились, чтобы превратиться в широкие травянистые бульвары, обсаженные деревьями. Между ними стояли невысокие трапециевидные строения — фасад каждого отделан полированным камнем определенного цвета. Размерами зданий и архитектурой это место слегка напоминало Париж, каким его видели пьяные фовисты по весне, с тротуарными кафе и всем остальным. Через четыре или пять километров вниз по

склону граница города была отмечена тремя стройными небоскребами, за которыми простиралась низкорослая зелень фермы. Небоскребы служили частью каркаса шатра, представлявшего собой куполовидную сеть из небесного цвета линий. Сама его ткань была почти незаметной — она, казалось, висела в воздухе. Это настоящее чудо! Никосии предстояло стать популярным городом.

Так Чалмерс и заявил толпе, и люди с воодушевлением согласились. Публика, при всей своей переменчивости, слушала его с той же чуткостью, что и Джона. Тучный и темноволосый Чалмерс понимал: у него мало общего с Джоном, миловидным блондином. Но он понимал и то, что имеет свою грубоватую харизму, и, разогреваясь, извлекал ее наружу и начинал метать в слушателей отборные фразы собственного сочинения.

Меж облаков прорвался луч солнечного света, попал на лица в толпе, и Чалмерс ощутил, что у него странно сжался живот. Столько *незнакомцев!* Скопление людей пугало его, пугали и незнакомые лица — все эти влажные неживые чужие глаза, окруженные розовыми пятнами, обращенные к нему... Обычно, выступая перед публикой, он выбирал несколько лиц, и остальные становились видимым фоном, но сейчас свет, падавший из-за его спины, озарил толпу — все разом попали в его поле зрения, и их оказалось слишком много. Пять тысяч человек в одном-единственном марсианском городке! После пяти лет в Андерхилле это было тяжело осознать.

Он попытался сказать публике что-то в этом роде:

— Оглядываясь... — произнес он, — оглядываясь вокруг... замечаешь необычность нашего присутствия здесь... эта необычность становится акцентированной, вызывающей.

Он терял их внимание. Как это сказать? Как сказать, что они со своими горящими, словно небесные фонарики, лицами одни в этом скалистом мире? Как сказать, что, даже если бы живые существа были лишь носителями генов беспощадности, это все равно лучше пустого неорганического небытия?

Конечно, он никогда не смог бы этого сказать. Ни сейчас, ни когда-либо еще и уж точно не перед публикой. Он взял себя в руки.

— В этом марсианском запусении, — продолжил он, — присутствие человека является воистину значительным. — «Они будут относиться друг к другу заботливее, чем когда-либо», — язвительно повторял голос у него в голове. — Эта планета сама по себе — лишь мертвый холодный кошмар... — «И потому экзотична и величественна». — А поскольку она предоставлена нам, мы должны провести процесс... некоторого ее преобразования... — «Или создания нового общественного строя».

И тут — да, да, да! — он понял, что произносит ту же ложь, которую только что слышал от Джона!

То есть нес тот же вздор. Но люди хотели именно этого, так-о ва уж была политика. В конце речи его так же наградили громом аплодисментов. Раздраженный, он объявил, что пора приступать к еде, лишив Майю возможности произнести заключительное слово. Хотя она наверняка знала, что он это сделает, и не готовилась говорить что-либо еще. Фрэнк Чамберс любил, когда последнее слово оставалось за ним.

Люди сгрудились на временной платформе, смешавшись с важными особами. Стольких человек из первой сотни редко удавалось собрать вместе, и теперь Джон с Майей, Саманта Хойл, Сакс Расселл и Чамберс оказались окружены толпой.

Фрэнк посмотрел поверх голов на Джона и Майю; он не узнавал никого из обступивших его землян, что удивило его. Он пошел по платформе и заметил, как Майя и Джон переглянулись.

— Нет причин, по которым обычные законы нельзя было бы применять здесь, — говорил им один из землян.

— Разве гора Олимп, по-вашему, похожа на Мауна-Лоа?¹ — возразила ему Майя.

— Конечно, — сказал мужчина. — Все щитовые вулканы похожи друг на друга.

Фрэнк пристально смотрел на Майю поверх головы этого болвана. Она не подавала виду, что замечает его взгляд. Джон притворялся, что не видит Фрэнка. Саманта Хойл вполголоса объясняла что-то другому мужчине, тот кивнул и случайно взглянул на Фрэнка. Саманта продолжала стоять к нему спиной. Но для него был важен только Джон. Важны Джон и Майя. И они оба притворялись, будто все хорошо; но тема беседы с подошедшими людьми уже была ими забыта.

Чалмерс сошел с платформы. Толпа все еще спускалась по парку, к столам, расставленным в верхних оконечностях семи бульваров. Чалмерс следовал за ними под сенью пересаженных молодых платанов, чьи листья цвета хаки окрашивали послеполуденный свет, делая парк похожим на дно аквариума.

Строители пили водку за банкетными столами, голося все громче и смутно осознавая, что строительство закончилось, а с ним и героическая эпоха Никосии. Как, пожалуй, и всего Марса в целом.

¹ Вулкан на острове Гавайи. — *Здесь и далее прим. пер.*

Звучащие повсюду разговоры перекрывали друг друга. Фрэнк утонул в турбулентности, пока пробирался к северной границе города. Он остановился перед бетонным парапетом по пояс высотой — здесь была городская стена. Из металла, выступавшего в верхней ее части, возвышалась прозрачная пластмасса в четыре слоя. Швейцарец, указывая на нее с довольным видом, объяснял группе посетителей:

— Внешняя мембрана из пьезоэлектрического пластика генерирует электроэнергию из энергии ветра. Следующие два листа содержат изоляционный слой из аэрогеля. А внутренний слой — это поглощающая радиацию мембрана, и когда он становится фиолетовым, это означает, что он подлежит замене. И все это прозрачнее обычного окна, да?

Посетители согласились. Фрэнк протянул руку и надавил на внутреннюю мембрану. Та натянулась до такой степени, что пальцы вошли в нее до костяшек. Внутри оказалось слегка прохладно. На пластике был еле заметен мелкий печатный текст: «Полимеры равнины Исиды». Оглянувшись через плечо, он все еще мог разглядеть сквозь платаны платформу на вершине. Джон и Майя вместе с группой своих земных почитателей по-прежнему находились там и оживленно разговаривали. Дирижировали делами планет. Решали судьбу Марса.

Он перестал дышать. Почувствовал, как у него стиснулись зубы. Ткнул пальцем в стену шатра так сильно, что выдавил наружную мембрану, — теперь часть его гнева сохранилась, превратившись в электричество в городской сети. Поливинилидендифторид в этом отношении был особым полимером: атомы углерода соединялись с водородом и фтором, создавая вещество даже более пьезоэлектрическое, чем кварц. Но стоило изменить хоть один элемент из трех, и все становилось по-другому — если, например, заменить фтор на хлор, получалась пищевая пленка.

Фрэнк посмотрел на свою скрытую в мембране руку, затем вновь на два остальных элемента, все еще соединенных друг с другом.

Ведь без него они были никем!

Чувствуя гнев, он двинулся по узким улочкам города.

Люди, столпившиеся на площади, будто мидии на скале, оказались группой арабов, которые пили кофе. Арабы прибыли на Марс всего десять лет назад, но уже стали силой, с которой приходилось считаться. У них было много денег, и они начали сотрудничать со швейцарцами, чтобы построить несколько городов, включая этот. На Марсе им нравилось. Саудовцы говорили, что он напоминает